

8. С. Я. ЕЛПАТЬЕВСКИЙ

... Другой раз, как-то в Озерках, под Петербургом, у меня обедали Горький и Леонид Андреев. Не помню, по какому случаю за обедом шел разговор о литературном творчестве, о писательских темах. Я сказал, что жизнь часто создает свои повести и романы интереснее писательских, а в подтверждение вынул из кармана вырезку из «Русских ведомостей», где репортер сообщал, что во время какого-то судебного дела одна из свидетельниц отказалась принять присягу, заявив, что она проститутка, не чистая, и потому недостойна целовать крест и Евангелие.

После обеда мы играли в крокет. В перерыве Леонид Николаевич отозвал меня в сторону и убедительно, с его особой настойчивостью стал просить меня уступить ему эту тему.

Я чувствовал, что тема захватила его, знал, что здесь он будет в своей стихии, и отдал ему газетную вырезку. Так появилась его «Христианка»¹...

Отрывок «Из воспоминаний» С. Я. Елпатьевского. — «Былое», № 27-28, 1924, стр. 281.

Об отношениях Горького и Андреева с Елпатьевским — см. Переписка, № 84, прим. 4.

¹ Речь идет о рассказе «Христиане».

9. М. К. ИОРДАНСКАЯ

... Я была дружна с Леонидом Андреевым, и Алексей Максимович много говорил со мной о нем. Тогда впервые я услышала историю написания «Тьмы». Алексей Максимович не мог простить Андрееву не только искажения образа, но и то, что он обманул доверие Мартина (Рутенберга)¹ и не сдержал данного ему и Алексею Максимовичу слова, — никогда не пользоваться как материалом для литературного произведения рассказом Рутенберга.

Тем не менее, все, что касалось Леонида Николаевича, Горький очень близко принимал к сердцу.

Я рассказала Алексею Максимовичу, что, несмотря на то, что Андреев женился вторично и у него были дети от второй жены, он не переставал тосковать по Александре Михайловне. Он часто жаловался на свое одиночество, на то, что никто не переживает с ним его произведений, не спорит до слез, не предостерегает от ошибок. Однажды, указывая мне из окна кабинета на видневшуюся под горой зеленую крышу маленького дома, Леонид Николаевич сказал: «Там было хорошо — там я был счастлив, тогда жива была Шура».

Алексей Максимович встал и подошел к окну; когда он снова сел на свое место, глаза его были влажны...

Неожиданно Горький улыбнулся.

— А знаете, что больше всего задело Рутенберга. Не то, что Леонид сделал из него какого-то неврастеника и идиота, а то, что он так отвратительно описал его ноги.

— Откуда взял Андреев, что у меня такие безобразные, волосатые ноги с кривыми и грязными ногтями, — жаловался Рутенберг, — ей-богу, я каждый день мою ноги...

И Алексей Максимович рассмеялся — «чудак-человек».

* * *

〈Со слов Андреева:〉

«... Хотели арестовать меня и в 1905 году. Вечером предупредили, пришлось в ту же ночь собраться и нелегально, через Финляндию, выехать